

Город Ветров*

Было только шестое ноября, но в Чикаго всю свирепствовала метель, уже вторая за эту осень. Освальду Т. Кэмпбеллу всерьез казалось, что по дороге к врачу он не пропустил ни одной глубокой лужи, и каждая была до краев заполнена ледяной жижей. Когда он наконец прибыл на место, основательный запас бранных слов, которых он успел нахвататься за свою непродолжительную службу в армии, весь иссяк.

Регистраторша, поприветствовав его, протянула планшет с анкетой:

— Мистер Кэмпбелл, мы получили вашу медицинскую карту и данные по страховке, но доктор Обчек предпочитает, чтобы новые пациенты сообщали о себе краткие сведения. Будьте добры, заполните, пожалуйста.

Господи, неужели нельзя обойтись без этих вечных анкет, раздраженно подумал Освальд, однако послушно взял планшет и принялся за дело.

* Так американцы прозвали Чикаго. — *Здесь и далее примеч. перев.*

Имя: *Освальд Т. Кэмпбелл*

Адрес: *меблированные комнаты «Де Сото»,
1428, Леннон-авеню, Чикаго, штат Иллинойс*

Пол: *мужской*

Возраст: *52*

Волосы: *там, где еще остались, рыжие*

Глаза: *синие*

Рост: *пять футов восемь дюймов*

Вес: *161 фунт*

Семейное положение: *разведен*

Дети: *слава богу, нет*

Ближайшие родственники: *бывш. жена, миссис
Хелен Гвинн, 1457, Хоуп-стрит, Лейк-Форест, штат
Иллинойс*

На что жалуетесь: *команде «Юнцы» нужен но-
вый игрок второй базы**

Граф в анкете еще оставалась куча, но он не стал их заполнять, расписался и вернул планшетку девушке.

Когда осмотр закончился и Освальд, трясясь от холода в тонком сером халате на завязках с открытым тылом, присел в уголке, медсестра велела ему одеваться, сказав, что доктор ждет его в кабинете. Озябшее до костей тело ныло после прощупываний и простукиваний в самых разных местах, да тут еще носки, ледяные и мокрые, хоть выжимай. Он попытался отжать носки, и на пол закапала синяя

* В бейсболе игрок-раннер касается второй базы во вторую очередь.

жидкость. Ступни у него тоже были чудесного синего оттенка, точно в цвет носкам.

— Здорово-то как! — проворчал под нос Освальд.

Он выбросил носки в мусорную корзину и в хлопчатых ботинках на босу ногу прошлепал к двери кабинета.

Дождаться доктора было неудобно и тоскливо — почитать нечего, да и курить нельзя, раз он сдуру наврал доктору, что бросил. Оглядывая комнату, Освальд шевелил пальцами ног, а то их уже начинало сводить. Куда ни глянь, все серое. Серое за окном, серое в кабинете. Придушить бы того, кто выбрал этот колер. Когда он в последний раз лежал в госпитале для ветеранов, к ним приходила лекторша и рассказывала, как цвета влияют на настроение. Какой придурок выбрал эту серятину? Шляться по докторам Освальд никогда не любил, но страховая компания требовала проходить ежегодный медосмотр. Ну и какой толк с того, что очередной эскулап просветит его в том, что ему и так известно? Этот-то хоть настроен дружелюбно и смеется шуткам, но мог бы и поторопиться. Обычно доктора были либо молокососы, которым морскую свинку доверить страшно, либо пенсионного возраста. Вот и этому, похоже, за семьдесят. Может, потому и копается? Серые стены, серый ковер, серый халат, даже волосы у доктора серостальные.

Наконец дверь открылась, вошел врач с результатами исследований.

— Ну как, док, смогу я в этом году опять пробежать Бостонский марафон?* — осведомился Освальд.

На этот раз доктор оставил его попытку пошутить без внимания и с мрачным видом сел за стол.

— Мистер Кэмпбелл. Не испытываю никакой радости по поводу того, что мне придется вам сообщить. Обычно я предпочитаю, чтобы при разговоре присутствовал кто-то из близких. Из ближайших родственников вы упомянули только бывшую жену. Не могли бы вы ей позвонить и попросить приехать сюда?

У Освальда внезапно пропала всякая охота шевелить пальцами ног.

— Не вижу необходимости. А зачем?

— Дело серьезное. — Доктор открыл медицинскую карту. — Я проверил и перепроверил все клинические данные. Более того. Я позвонил своему коллеге пульмонологу — он принимает в этом же здании — и проконсультировался. К сожалению, он подтвердил мой диагноз. Мистер Кэмпбелл, скажу вам прямо. В вашем теперешнем состоянии вы вряд ли переживете следующую чикагскую зиму. Вам надо сменить климат, и немедленно. Иначе, откровенно говоря, вы и до Рождества вряд ли дотянете.

— Ух ты... — раздумчиво произнес Освальд. — Да неужто?

* Ежегодный марафон, старейший в США, проводится с 1897 года в третий понедельник апреля — в День патриотов — по маршруту Хопкinton — центр г. Бостона, шт. Массачусетс. Победитель получает денежный приз, а также традиционное рагу из говядины.

— Ух ты... — раздумчиво произнес Освальд. — Да неужто?

— Увы. Вынужден констатировать, что со времени последнего осмотра эмфизема у вас вошла в критическую стадию. Ваши легкие и без того в рубцах после перенесенного в детстве туберкулеза. Прибавьте долгие годы хронического бронхита, усугубленного курением. Вам будет достаточно хорошей простуды, которая неизбежно перейдет в воспаление легких.

— Да неужто? Ух ты, — повторил Освальд. — Печально.

Доктор захлопнул папку, подался к пациенту и заглянул в глаза.

— Вот именно. Печально. Положа руку на сердце, если принять во внимание тревожную быстроту, с которой развивается болезнь, даже если вы срочно переедете куда-нибудь на курорт, по самому оптимистическому прогнозу могу вам дать еще год... может быть, два.

— Вы шутите.

Врач покачал головой:

— Какие уж тут шутки. В данный момент эмфизема деформирует сердце и ряд других органов, не только легкие. Говорю это вам не для того, чтобы напугать. Вы должны быть в курсе, чтобы привести в порядок свои имущественные дела.

Несмотря на потрясение, Освальд чуть не рассмеялся. Какие там «имущественные дела»! Да на его банковском счете сроду не было больше двухсот пятидесяти долларов.